

УДК 343

DOI: 10.17223/22253513/38/4

С.А. Елисеев

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ В УГОЛОВНЫХ ЗАКОНАХ РОССИИ

Рассматривается эволюция норм российского уголовного права об ответственности за массовые беспорядки. Анализируются законодательные, доктринальные определения этого преступления. Показаны проблемные вопросы понимания признаков состава «массовые беспорядки», предусмотренного ст. 212 УК РФ. Обоснованы предложения по совершенствованию определения понятия массовых беспорядков в УК РФ. Представлена авторская редакция ст. 212 УК РФ.

Ключевые слова: общественная безопасность, массовые беспорядки, погромы, поджоги, применение насилия к личности, содержание уголовно-правовой нормы, совершенствование уголовного законодательства.

Преступлениям против общественной безопасности посвящена глава 24 УК РФ. Статьи этой главы, как показало время, представляют собой достаточно действенный инструмент уголовно-правовой охраны интересов как общества, так и личности.

Вместе с тем изучение ряда статей главы 24 УК, практика их применения говорят о необходимости совершенствования предусмотренных в ней уголовно-правовых запретов. Так, требует уточнения описание в ст. 212 УК РФ признаков объективной стороны такого преступления, как «массовые беспорядки». Этой статьей к преступлению «массовые беспорядки» отнесены: организация массовых беспорядков; подготовка лица для организации массовых беспорядков или участия в них; склонение, вербовка или иное вовлечение лица в массовые беспорядки; участие в массовых беспорядках; призывы к массовым беспорядкам или участию в них, а равно к насилию над гражданами; прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них. В статье также сказано, что «массовые беспорядки» представляют собой массовые беспорядки, сопровождающиеся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств... оказанием вооруженного сопротивления представителю власти.

Нельзя не увидеть, что ст. 212 УК РФ, несмотря на многословие, не дает четкого представления об объеме объективной стороны предусмотренного ею преступления. Буквальное толкование выражения «массовые беспорядки, сопровождающиеся насилием, погромами, поджогами...» позволяет утверждать, что объективная сторона массовых беспорядков предполагает такие компоненты: массовые беспорядки; насилие и другие указанные в ч. 1

ст. 212 УК РФ действия, сопутствующие массовым беспорядкам, дополняющие их, совершаемые вместе с ними. Об этом говорит и ч. 3 ст. 212 УК РФ, предусматривающая наказание не только за призывы к массовым беспорядкам или участию в них, но и за призывы к насилию над гражданами. Но что именно следует в таком случае относить к массовым беспорядкам, составляющим, наряду с бесчинством толпы (насилием, поджогами, погромами и т.д.), часть объективной стороны преступления, остается только гадать. Вместе с тем наименование статьи, предназначение, смысл уголовно-правового запрета дают основание полагать, что объективная сторона преступления «массовые беспорядки» включает один системообразующий компонент – совершение множеством людей (толпой) погромов, поджогов, применения насилия к гражданам и т.д.

Надо сказать, что такие подходы к определению объективной стороны массовых беспорядков можно встретить в современной юридической литературе. Одни авторы к массовым беспорядкам относят действия, направленные на неповиновение органам власти, в том числе активные и агрессивно-насильственные акции [1. С. 459–460], активные действия, выражающиеся в нарушении толпой установленного порядка в публичных местах [2. С. 145], действия толпы, характеризующиеся нарушением правил поведения в местах проведения публичных массовых мероприятий [3. С. 17]. Также говорится, что выполнение объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, связано с понятием массовых беспорядков, подразумевающим действия некоторого значительного числа людей, нарушающих установленный порядок, которые сопровождаются погромами, насилием [4. С. 309–310]; под массовыми беспорядками следует понимать в целом беспорядочные, стихийные действия значительного числа лиц, сопровождающиеся применением насилия к иным лицам, погромами, поджогами [5. С. 55]; нападения на граждан, организации, представителей власти, погромы, поджоги представляют результаты массовых беспорядков [6. С. 381].

Также утверждается, что объективная сторона массовых беспорядков состоит из насилия, погромов, поджогов, уничтожения имущества, применения оружия и других указанных в ст. 212 УК РФ действий [7. С. 243].

Казалось бы, разночтения в суждениях о содержании объективной стороны массовых беспорядков не имеют принципиального значения. Все авторы так или иначе утверждают, что квалификация содеянного по ст. 212 УК РФ возможна лишь в случае агрессивных действий толпы в виде массового насилия, погромов, поджогов, уничтожения имущества и других указанных в ней действий. Однако нельзя не увидеть, что догматическая трактовка выражения «массовые беспорядки, сопровождающиеся насилием, поджогами...» может наделять состав преступления признаками, не указанными в ст. 212 УК РФ, что, с одной стороны, раздвигает границы объективной стороны массовых беспорядков, а с другой – ограничивает пределы действия уголовно-правового запрета. Действительно, можно утверждать, что массовые беспорядки как системообразующий (наряду с

насилием, погромами и т.д.) признак объективной стороны преступления представляют собой не что иное, как нарушение организаторами, участниками массового публичного мероприятия правил их проведения. Из этого следует, что для применения ст. 212 УК РФ необходимы такие условия: наличие массового публичного мероприятия (собрания, митинга, шествия, демонстрации, акции, сочетающей эти мероприятия); участие в таком мероприятии; нарушение участниками мероприятия правил его проведения; учинение в составе толпы погромов, поджогов и других действий, указанных в ст. 212 УК РФ. Но из такой интерпретации объективной стороны массовых беспорядков с необходимостью следует вывод: бесчинство толпы в виде массового насилия, погромов, поджогов, не сопряженное с проведением массового публичного мероприятия, не образует преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ; его надо квалифицировать по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности, собственности, порядка управления. Однако очевидно, что содеянное и в этом случае причиняет такой же вред общественной безопасности, как и бесчинство толпы, возникшее в ходе публичного массового мероприятия. Строго говоря, не согласуется с буквой закона и интерпретация объективной стороны массовых беспорядков исключительно как погромов, поджогов и других агрессивных действий толпы.

Нельзя не отметить, что несоответствие суждений о содержании объективной стороны массовых беспорядков предопределил законодатель, принявший из советских уголовных законов стиль изложения нормы об ответственности за массовое преступление против безопасности общества и государства. Так, Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) от 25.02.1927 в ст. 16 предусматривало ответственность за массовые беспорядки: а) «сопровождающиеся погромами, разрушением железнодорожных путей... убийствами, поджогами...»; б) «неотягченные преступлениями, указанными выше, но сопряженные с явным неповиновением требованиям властей или с противодействием исполнению последними возложенных на них обязанностей...» Такой же была конструкция состава массовых беспорядков в УК РСФСР 1926 г. (ст. 59.2 в ред. от 06.06.1927) Формулировкой «массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, разрушениями, поджогами...» оперировал Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (ст. 16)¹. Таким же было определение массовых беспорядков в УК РСФСР 1960 г. (ст. 79).

¹ Формулу «массовые беспорядки, сопряженные с другими действиями» использовали и составители проекта Уголовного кодекса СССР. Проектом предполагалась ответственность за массовые беспорядки, соединенные «с явным неповиновением законным требованиям представителей органов власти...» (ст. 86), сопровождающиеся «убийством, тяжким насилием над личностью, разрушением или повреждением имущества...» (ст. 87) [8. С. 39–40].

Указание в диспозициях статей советских уголовных законов на сопряженность массовых беспорядков с насилием над личностью, уничтожением или повреждением имущества не могло не вызвать полифонию в суждениях о содержании объективной стороны этого преступления, дошедшую до наших дней.

Так, В.Д. Меньшагин, комментируя ст. 59.2 УК РСФСР 1926 г. (в ред. от 06.06.1927) писал: «Наличие всякой толпы, нарушающей своим поведением охраняемый властью порядок, уже представляет, по существу, массовые беспорядки. Однако такие массовые беспорядки еще не дают состава преступления... Для того чтобы массовые беспорядки стали преступлением, необходимо, чтобы они сопровождались учинением определенных опасных действий» [9. С. 247]¹. Таким же, по сути, был и его комментарий к ст. 79 УК РСФСР 1960 г. В.Д. Меньшагин, в частности, утверждал: «Массовыми беспорядками следует считать нарушение установленного и охраняемого властью порядка со стороны стихийно собравшейся значительной группы лиц, толпы, например создание собравшейся толпой людей затруднений в движении городского транспорта, препятствование нормальной работе органов власти, охраняющих общественный порядок, демонстративный отказ со стороны толпы выполнить законные требования представителей власти или иных должностных лиц и т.д.». Однако массовые беспорядки, «не сопряженные с погромами, разрушениями, поджогами и другими общественно опасными деяниями, не могут быть квалифицированы по ст. 79 УК» [10. С. 182]. П.Ф. Тельнов, М.П. Карпушин полагали, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 79 УК РСФСР, заключается в организации, непосредственном совершении толпой погромов, разрушений, поджогов и других подобных действий [11. С. 170].

Надо сказать, что обрисовка объективной стороны массовых беспорядков в советских уголовных законах заметно отличалась от описания внешних признаков массовых преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в Уголовном уложении 1903 г. Так, в ч. 1 ст. 269¹ Уложения о наказаниях 1845 г. говорилось: «Виновный в участии в публичном скопище, которое, действуя соединенными силами участников... учинило: 1) насилие над личностью... 2) похищение или истребление либо повреждение чужого имущества; 3) самовольное завладение чужим имуществом; 4) вторжение в чужое здание или иное помещение... подвергается...» Статья 122 Уголовного уложения 1903 г. предусматривала ответственность за участие в публичном скопище, которое, действуя «соединенными силами участников», учинило «насилие над личностью, или похищение, или повреждение чужого имущества, или вторжение в чужие обитаемое здание или иное помещение...»

¹ Ст. 59.2 УК 1926 г. (в ред. от 6 июня 1927) к преступлению отнесла «массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, разрушением железнодорожных путей или иных средств сообщения и связи, убийствами, поджогами и другими подобными действиями...»

Как видим, в уголовных законах Российской империи определения преступления, состоящего из агрессивных действий толпы, достаточно точно выражали содержание уголовно-правового запрета. Из них следовало, что объективную сторону деяния составляют именно насильственные действия (насилие над личностью, погромы, уничтожение, повреждение имущества), совершенные массовым субъектом – скопищем (более или менее значительным числом людей, толпой) [12. С. 144]¹. Такую же схему построения уголовно-правового запрета использовали и составители УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г. Так, в ч. 1 ст. 75 УК РСФСР 1922 г. говорилось: «Участие в массовых беспорядках всякого рода, как-то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных и т.п., если при этом участники беспорядка были вооружены, карается...» Аналогичной была и диспозиция ст. 59² УК РСФСР 1926 г. (в ред. от 22.11.1926). Из такого определения преступления было видно, что объективную сторону преступления образует действие (по терминологии УК РСФСР 1922 г. – «беспорядки всякого рода») – погромы, поджоги и другие агрессивные действия; субъект преступления множественный: участники беспорядка, т.е. масса людей, более или менее значительное число лиц² [13].

В Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для союза ССР опасных преступлениях против порядка управления от 25.02.1927 обрисовка объективной стороны массовых беспорядков изменила смысловое наполнение уголовно-правового запрета. Выражения «массовые беспорядки, сопровождающиеся...», «массовые беспорядки, сопряженные...» придали «массовым беспорядкам» значение самостоятельного, наряду с противозаконными действиями толпы, признака преступления. Такая конструкция определения объективной стороны массовых беспорядков перешла в УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.; перенял ее, как уже было сказано, и российский законодатель.

С такой преемственностью в определении преступления, посягающего на общественную безопасность, казалось бы, можно и согласиться. УК РФ 1996 г. использует решение, имеющее в уголовном праве России почти столетнюю историю, обозначает правовое понятие устоявшимися в российском законодательстве терминами. Вне всякого сомнения, без прошлого законодательного опыта нет настоящего в праве. Но очевидно, что настоящее в праве должно быть действительно настоящим. Преемственность в праве предполагает не просто сохранение старого в новом, а такое

¹ Составители Уложения отмечали, что «наличность множества не может быть установлена какими либо признаками, особо указанными в законе, в особенности с точностью означенным наименьшим числом участников, а определяется по обстоятельствам каждого случая, очень часто даже в зависимости от места скопища».

² Ст. 77 УК РСФСР 1922 г., ст. 59.3 УК РСФСР 1926 г. (в первой редакции) предусматривали ответственность и за участие в беспорядках, «не отягченных» преступными деяниями (погромами, поджогами и др.), но «сопряженными» с явным неповиновением законным требованиям властей или противодействием исполнению возложенных на них законом обязанностей.

его сохранение, при котором старое получает развитие в новом качественном состоянии [13. С. 18–19]. Преемственность в праве не означает, что не должны меняться форма изложения тех или иных правовых предписаний, содержание юридических конструкций. Также нельзя забывать, что норма уголовного права представляет собой общеобязательное правило поведения, установленное государством в конкретных исторических условиях. В норме права находят выражение общественные отношения в экономической, политической, социальной сферах жизни, сложившиеся ко времени ее принятия.

В связи со сказанным нельзя не напомнить, что в 20-е гг. прошлого века социально-политическая обстановка в СССР отличалась сложными экономическими реалиями, острой борьбой за лидерство в ВКП(б) и государстве, существованием в коммунистической партии «правового уклона», исключительно классовой ориентацией внутренней политики государства, усилением противоречий между социальными интересами разных слоев общества. В этих условиях любое коллективное выражение протеста против действий власти, любое несанкционированное властью скопление людей (даже и не совершающих каких-либо агрессивных действий) не могло не рассматриваться как деяние, причиняющее вред, угрожающее интересам советского государства. Именно этим можно объяснить появление в советских уголовных законах таких видов массовых беспорядков, как массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, убийствами и другими подобными действиями, массовые беспорядки, «не отягченные указанными преступлениями», но сопряженные как с действием (понууждением властей к исполнению явно незаконных требований, противодействием исполнению властями возложенных на них обязанностей), так и с бездействием (явным неповиновением законным требованиям властей, хотя бы неповиновение выразилось только в отказе прекратить угрожающее общественной опасности скопление).

В УК РФ 1996 г. законодатель сохранил и найденное составителями УК РСФСР 1960 г. решение: в ст. 212 УК 1996 г., как и в ст. 79 УК 1960 г., словосочетание «массовые беспорядки» используется не только в диспозиции статьи для обрисовки объективной стороны преступления, но и для его наименования в заголовке статьи. Но давно известно, что назначение заголовка статьи, представляющего собой часть нормативно-правового текста, – лаконично выразить объем содержащегося в статье нормативно-правового предписания. Главная функция заголовка – информационная, заголовок позволяет быстро и легко ориентироваться в нормативном материале [14. С. 230]. Назначение диспозиции статьи Особенной части УК – определение признаков состава преступления. Определение должно быть не только истинным по содержанию, но и правильным по своему построению, по форме. Истинность определения обуславливается соответствием указанных в нем признаков действительным свойствам определяемого предмета. Правильность определения зависит от его структуры, регулируемой рядом логических правил: понятие нельзя определять посредством его самого; оно не должно заключать в себе круг; определение должно быть соразмер-

ным и ясным [15. С. 23]. Отступление от этих правил лишает правовое предписание четкости, что осложняет, а порой исключает, уяснение его подлинного смысла.

Как отмечал Н.С. Таганцев, задача законодательной техники при определении в законе существенных признаков состава состоит в том, чтобы не опустить действительно существенных его элементов или, наоборот, не ввести в закон случайные казуистические подробности, а равно чтобы выразить эти существенные условия состава словами и понятиями, которые действительно соответствовали бы целям и представлениям законодателя [16. С. 79]. В.Д. Филимонов отметил, что в состав включаются только те типичные признаки общественно опасного деяния, которые выражают характер и степень его общественной опасности. Сформулированный в законе признак состава может охватывать различные виды своего реального прототипа, давать перечень возможных способов совершения преступления и т.д. [17. С. 68].

Также нельзя забывать слова Р. Иеринга о том, что понятие содержит, схватывает сущность явления, дефинирует его, т.е. отделяет от других. Оно содержит логическую квинтэссенцию явления, самую сущность его, то, что составляет его индивидуальность. Чем проще юридическая конструкция, «тем более совершенна она, т.е. тем она нагляднее, призрачнее, естественнее» [18. С. 71, 94].

Сказанное, несомненно, убеждает в целесообразности уточнения текста ст. 212 УК РФ. В определении предусмотренного ею преступления акцент необходимо сместить на агрессивные действия толпы, поскольку именно они формируют общественную опасность деяния. Именно этими действиями (погромами, поджогами, применением насилия, уничтожением имущества и др.) причиняется вред общественным отношениям, обеспечивающим безопасность жизни, здоровья, имущества как отдельного человека, так и многих людей, деятельности органов власти и управления, работы организаций и предприятий. Для определения понятия массовых беспорядков достаточно указания в УК РФ на существо этого деяния – совершение участниками толпы тех или иных общественно опасных действий. Из определения преступления нужно исключить неудачное в стилистическом и смысловом отношениях словосочетание «массовые беспорядки, сопровождающиеся...» Вместо него следует использовать формулу: «массовые беспорядки – погромы, поджоги, уничтожение, повреждение имущества, применение насилия к личности». Надо отказаться и от повторений в описании объективной стороны массовых беспорядков. Очевидно, что понятие «применение оружия» имеет много общего с понятием «оказание вооруженного сопротивления представителю власти» (по отношению к последнему оно является родовым); призывы к насилию над гражданами в контексте ст. 212 УК РФ представляют собой не что иное, как вид призывов к массовым беспорядкам. В ч. 1 ст. 212 УК РФ необходимо предусмотреть ответственность за участие в массовых беспорядках – погромах, поджогах, уничтожении, повреждении имущества, применении насилия к личности;

в ч. 2 – за те же деяния с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, устройств и предметов, представляющих опасность для окружающих. В ч. 3 ст. 212 УК РФ предусмотреть наказание за призывы к массовым беспорядкам или участию в них, в ч. 4 – за организацию массовых беспорядков, в ч. 5 – за склонение, вербовку, иное вовлечение лица в совершение массовых беспорядков, в ч. 6 – за подготовку лица для организации массовых беспорядков, а равно к участию в них; прохождение лицом обучения, проводимого в целях организации массовых беспорядков или участию в них. Такая редакция ст. 212 УК РФ придаст уголовно-правовому запрету необходимую ясность, внесет единообразие в правоприменение.

Литература

1. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.А. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М. : Контракт, 2015. 923 с.
2. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. Т. IV: Преступления против общественной безопасности. 680 с.
3. Вдовиченко К.Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 24 с.
4. Козаченко И.Я., Новоселов Г.П. Уголовное право. Особенная часть : в 2 т. М. : Юрайт, 2017. Т. 1. 351 с.
5. Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Задоян А.А. Преступления против общественной безопасности : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2010. 256 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. М. : Проспект, 2009. 699 с.
7. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М. : Юрист, 1997. 496 с.
8. Проект Уголовного кодекса СССР. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 150 с.
9. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. М. : Госюриздат, 1955. Т. 1. 800 с.
10. Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права : в 6 т. М. : Наука, 1970. Т. 4: Часть особенная: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. 432 с.
11. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М. : Юрид. лит., 1984. 528 с.
12. Уголовное Уложение. СПб. : В гос. тип., 1895. Т. 2: гл. 2–7 : объяснения к проекту редакционной комиссии. 588 с.
13. Рыбаков В.А. Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 37 с.
14. Капилина Т.В. Юридическая техника. М. : Эксмо, 2007. 512 с.
15. Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М. : Прогресс, 1987. 312 с.
16. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции : в 2 т. М. : Наука, 1994. Т. 1. 420 с.
17. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 280 с.
18. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. 105 с.

Keywords: public safety, mass disorder, violence use to a person, arsons, demolition of property, context of the criminal norm, improvement of criminal legislation.

DOI: 10.17223/22253513/38/4

The chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation is devoted to crimes against public security. Articles of this chapter represent enough effectual instruments of criminal protection of public interests and protection of a person as well. However, studying of some articles of the chapter 24 of the Criminal Code and practice of its applying show the necessity to improve prohibitions, provided by it.

For example, article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, despite verbalism, doesn't give a strict idea on content of the subject of crime, provided by it. Literal interpretation of the expression "mass disorder, leading with violence, demolition and arson..." allows to confirm, that subject of crime of mass disorder supposes such elements as mass disorder, violence and other actions, provided by p.1 art.212 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are followed by mass disorder, completed by them, committed simultaneously. Part 3 of the article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation gives the same idea, it provides punishment not only for riotous statements in mass disorder or participation in it, but for calls to violence. But what we should refer to mass disorder, which is a part of objective aspect of a crime along with riotous behavior of a crowd (violence use, arsons, demolition and so on), is anyone's guess. However, the title of the article, its purpose, content of criminal prohibition suggest that objective aspect of crime "mass disorder" includes one systematic element, which is committing demolition, arsons, violence use towards citizens by a great number of people (by a crowd).

It makes sense to improve text of the article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. Within the meaning of crime mentioned in it, emphasis should be turned to aggressive actions of a crowd, because they form public danger of this action. Exactly these actions (violence use, arsons, demolition and so on) are caused damages to public relations, which provide security of life, health, property of a single person or a number of people, activity of state authority and government, functioning of organizations and enterprises. To define the notion of mass disorder it is enough to point out the essence of this action in the Criminal Code of the Russian Federation – the committing of some public dangerous actions by participants of the crowd. It is necessary to eliminate ineffectual stylistically and semantic expression "mass disorder, accompanying ..." from the definition. Instead of it we should use a formula: "mass disorder - violence use towards a person, arsons, demolition and damage of property". It is necessary to abandon repetitions in description of the objective aspect of mass disorder. It is obvious, that the notion "use of weapon" has a lot in common with the notion "provision of armed resistance to public authority" (it is generic term towards the latter); calling to violence towards citizens in context of the article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation represent itself call to mass disorder.

References

1. Konyakhin, V.A. & Prokhorova, M.L. (eds) (2015) *Rossiyskoe uголовnoe pravo. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. Special Part]. Moscow: Kontrakt.
2. Korobeev, A.I. (ed.) (2008) *Polnyy kurs uголовnogo prava: v 5 t.* [Complete Course of Criminal Law: in 5 vols]. Vol. 4. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
3. Vdovichenko, K.G. (2015) *Uголовno-pravovoe protivodeystvie prestupleniyam v sfere organizatsii i provedeniya publichnykh massovykh meropriyatiy* [Criminal-legal counteraction to crimes in the sphere of organization and holding of public mass events]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
4. Kozachenko, I.Ya. & Novoselov, G.P. (2017) *Uголовnoe pravo. Osobennaya chast': v 2 t.* [Criminal Law. Special Part: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Yurayt.

5. Chuchayev, A.I., Gracheva, Yu.V. & Zadoyan, A.A. (2010) *Prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti* [Crimes Against Public Safety]. Moscow: Prospekt.
6. Radchenko, V.I. (ed.) (2009) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt.
7. Kudryavtsev, V.N. & Naumova, A.V. (eds) (1997) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. Special Part]. Moscow: Yurist.
8. USSR. (1939) *Proekt Ugolovnogo kodeksa SSSR* [Draft of the Criminal Code of the USSR]. Moscow: NKYu USSR.
9. Piontkovsky, A.A. & Menshagin, V.D. (1955) *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Oso-bennaya chast'* [The Soviet Criminal Law. Special Part]. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.
10. Piontkovsky, A.A. & Menshagin, V.D. (1970) *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: v 6 t.* [The Soviet Criminal Law: in 6 vols]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
11. Severin, Yu.D. (1984) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
12. Russia. (1895) *Ugolovnoe Ulozhenie* [The Criminal Code]. Vol. 2. St. Petersburg: V gos. tip.
13. Rybakov, V.A. (2009) *Preemstvennost' v otechestvennom prave v perekhodnyy period: obshcheteoreticheskie voprosy* [Continuity in Russian law in the transition period: General theoretical questions]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk.
14. Kapilalina, T.V. (2007) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Moscow: Eksmo.
15. Knapp, V. & Gerlokh, A. (1987) *Logika v pravovom soznanii* [Logic in legal consciousness]. Moscow Progress.
16. Tagantsev, N.S. (1994) *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
17. Filimonov, V.D. (2004) *Norma ugolovnogo prava* [The Norm of Criminal Law]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
18. Iering, R. (1905) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology]. St. Petersburg: [s.n.].